

Когда родительская любовь заходит слишком далеко

«Например, мать говорит ребенку, что горка на детской площадке «слишком высока для тебя». В дом к новому другу не пускают, потому что «там играют в слишком грубые игры». Поход на выходные дни в VII классе запрещается, потому что там «не будет достаточного присмотра». Летний лагерь, куда едет приятель, отвергается на основании того, что «туда слишком большой конкурс», а про велосипедную прогулку со сверстниками говорится, что «она будет слишком долгой и ты устанешь».

В таких условиях очевидно, что выбор колледжа и выбор профессии будут делать родители. Выбор супруги или супруга потребует от сына или дочери большой стойкости, скорее всего, последнее слово и в этом случае будет за родителями. Безусловно, родители должны защищать ребенка от опасностей, оценивать, насколько он готов к занятиям, сопряженным с риском. Некоторые ситуации опасны и нежелательны, и дети должны быть защищены от них. Но иногда родители встревожены без всяких на то оснований. Их поведение означает, что им спокойно только тогда, когда ребенок полностью зависим от них. Их приводит в ужас то, что его придется отпустить из дома, даже если это необходимо и безопасно.

Обычно существуют две основные причины для подобной гиперопеки: стремление подавить потребность ребенка расти, экспериментировать, а это рождает у него желание быть более независимым и самостоятельным.

Первая причина исходит из того, что родители используют ребенка для удовлетворения собственных потребностей. Он подменяет все остальные нормальные пути самореализации взрослого, особенно связанные с браком и работой.

Вторая причина удушающей любви выглядит по-иному, но имеет те же самые корни. Гиперопека часто скрывает сильную враждебность по отношению к ребенку. Поскольку это чувство неприемлемо и вызывает чувство вины, оно быстро вытесняется в подсознание. Некоторые неудовлетворенные и разочарованные родители на самом деле боятся, что их враждебность или неприятие ребенка могут привести к тому, что с ним случится что-то ужасное.

«Когда я был ребенком, - рассказывал мне Питер, - я часто видел сон, что я орленок, который учится летать. Но как только я понимал, как это делается, я запутывался и разбивал голову о скалу». Питер - обаятельный мужчина, который прекрасно ладит со всеми. Одна беда - он страдает от жестоких хронических головных болей. Кроме того, у него глубокая депрессия. «Мне кажется, что я никогда в жизни не мог принять правильного решения, - рассказывал он мне, - я просто выбирал наиболее простой или более знакомый мне ход, а затем сожалел об этом».

Многие люди нередко в различных ситуациях реализуют сходные модели поведения. Выглядит так, как будто они знают, что вступают в брак не с тем, выбирают не ту профессию, неправильно решают, где им жить и когда иметь детей. Они чувствуют себя пойманными в ловушку собственной пассивности и нерешительности. Что заставляет людей, подобных Питеру, поступать себе во вред, ведь это только увеличивает их несчастье?

Существует немало всевозможных версий, но вероятнее всего, что в детстве родители отвергали его, пренебрегали заниматься им, вели себя по отношению к нему нечутко и жестоко. И чаще всего это будет верный ответ. Но бывает и так, что все

происходит не от отсутствия любви родителей, а от того, что любви этой слишком много.

«Моя мать обожала меня, - объяснял Питер, - она никогда не выпускала меня из виду. Для меня не было ничего недоступного. Я не могу припомнить, чтобы меня ругали, но в то же время я не делал ничего, за что меня можно было бы ругать».

Мать Питера была способной, честолюбивой женщиной, которая разочаровалась в своем муже. Отца Питера увольняли с многих работ, и он плохо зарабатывал. Отец был тихим и уступчивым человеком. Он не был борцом, и ему приходилось всем уступать.

«Мать часто кричала на него: «Никто тебя не уважает! Ты ничтожество!» - вспоминал Питер.- Она была одинокой и разочарованной женщиной, я был ее единственной заботой, единственной отрадой в ее жизни. Она была в ужасе от того, что может меня потерять, и всячески оберегала меня».

Питеру никогда не позволяли кататься на коньках или играть в бейсбол, потому что он мог ушибиться. Мать брала его повсюду с собой.

«Я был ее партнером, ее поклонником и ее единственным товарищем все мои детские годы, - отмечал Питер.- Когда у меня возникало желание уйти, меня переполняло чувство вины. Она была так добра ко мне, как я мог причинить ей такую боль?»

Конечно, Питер - это крайний случай, но после того, как я его встретила, я лучше поняла, как родители, сами того не сознавая, душат ребенка, подавляют любую его потребность попробовать собственные силы.

Питер, желая понять причины частой головной боли и депрессии, пришел к выводу, что это результат того, что его мать ненавидела собственную жизнь.

«Она была умной и способной, - говорил он, - но не имела никакой специальности, полностью зависела от человека, которого она не уважала и не любила. Возможно, она бы оставила его, если бы не я! Может быть, она думала, что со мной должно случиться что-то ужасное, потому что она не хотела моего рождения. Неудивительно, что она так боялась выпускать меня из дома! Какой обузой мы были друг для друга: ведь мы оба хотели быть «орлами» и улететь, а вместо этого крепко держали друг друга в оковах».

Родители, у которых жизнь не состоялась и которые затаили чувство глубокой обиды и разочарования, составляют исключение, но у каждого из нас бывают моменты, когда подобные чувства выступают на поверхность.

Одна недавно разведенная мать рассказывала мне: «Когда мы с дочкой переехали в новую квартиру, я вела себя как идиотка. Никогда раньше я не была тревожной матерью, а тут вдруг стала бояться отпускать дочку одну на улицу. Раньше она сама ходила в школу, теперь я стала провожать ее. Поехать летом отдохнуть на две недели к подруге я ей не разрешила.

К счастью, у дочери есть характер, и она сопротивлялась многим моим запретам. Я записалась на прием к психотерапевту и задала ему вопрос: «Почему моя дочь такая непослушная?», как вдруг меня осенило, что виновата во всем я, потому что долгое время хотела быть абсолютно свободной и ни о ком, даже о собственном ребенке, не заботиться.

Мой развод был для меня началом новой жизни. Я добилась желанной свободы. Когда я начала осознавать это и понимать, что мои чувства нормальны, я также

поняла, что Эми выросла и имеет право на собственные поступки и самостоятельность, что это, в конце концов, нужно нам обеим!»

Один отец, который в течение года был безработным, рассказал мне, что у него были уравновешенные, нормальные отношения с женой и двумя сыновьями до тех пор, пока в жизни все было благополучно.

«Но,- заметил он, - стресс от потери работы был столь велик, что я перестал быть похож на самого себя. Если сыновья прогоняли меня, когда я хотел поиграть с ними, я чувствовал себя обиженным и уязвленным. Мальчики чувствовали себя виноватыми и фактически забросили большинство своих внешкольных занятий, чтобы проводить больше времени со мной, чем с друзьями. А я цеплялся за них как утопающий за соломинку.

Однажды моя жена тихо сказала мне: «Ты не имеешь права использовать своих детей для того, чтобы заполнить ту пустоту, которую ты ощущаешь». Эти слова я воспринял очень болезненно, и они привели меня в бешенство. Но потом, подумав, я понял, что она права. Стремясь заполнить пустоту, образовавшуюся в моей жизни, я мешал нормальному развитию своих детей в течение нескольких месяцев, пока не устроился на работу: я стал подрабатывать добровольцем в больнице. Это дало мне ощущение, что я нужен людям, а моим ребятам вернуло свободу и право жить самостоятельной жизнью».

Родителям всегда трудно найти «золотую середину» в вопросах воспитания собственных детей.

Одна молодая мать рассказывала мне:

«Так трудно не впасть в крайности. Я была единственным и поздним ребенком. Родители обращались со мной как с дрезденской фарфоровой статуэткой, и из-за этого я чувствовала себя задавленной и обиженной. Я дала себе слово, что никогда не буду гиперопекающей матерью, что приложу все силы, чтобы не мешать моему будущему ребенку расти. Я давала возможность дочери пробовать делать все самой. Я стремилась приучить ее принимать самостоятельные решения и постоянно подбадривала ее: «Будь смелее! Не будь маменькиной дочкой!» Чего я добилась? Лишь одного: к восьми годам она была законченным невротиком!

Наконец я поняла, что, вдаваясь в противоположную крайность, я воспитала боязливого ребенка, который был столь же зажат, как и я. Она не была готова к тому, чтобы самостоятельно принимать решения и пробовать свои силы в различных видах деятельности.

Однажды я сказала ей: «Дженнифер, я пришла к выводу, что ты еще мала, чтобы ездить на велосипеде по шоссе. Ты сама не можешь выбрать лагерь, в котором будешь отдыхать». Я даже не ожидала, что она так обрадуется моему решению. Так тяжело найти это равновесие между гиперопекой и невниманием!»

Позже я рассказала эту историю воспитательнице детского сада, которая заметила: «Вы знаете, этот вопрос становится все более острым по мере того, как люди хотят иметь меньше детей. В нашем саду, по крайней мере, половина родителей не планируют себе второго ребенка. Сохранить хрупкое равновесие между тем, чтобы быть излишне заботливым, и тем, чтобы чересчур рано требовать от ребенка самостоятельности, требует особого внимания в семьях с единственным ребенком».

Независимо от размера наших семей все мы временами чувствуем страх, неудовлетворенность, скуку, разочарование, недовольство.

«От жизни не вылечиться», - сказал мне один друг, и этим сказано все. У каждого из нас бывают периоды, когда мы требуем от детей слишком много или когда мы настолько сердиты или обижены, что наша любовь становится удушающей.

Для меня останется незабываемым образ, возникший в сновидениях Питера, и об этом надо помнить нам всем. Все мы хотим, чтобы наши дети крепко стояли на ногах, но мы не должны «убить» в них желание летать, стремление становиться смелыми, высоко парящими орлами, а не подбитыми птенцами.